ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР
СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
1964, том XXIII, вып. 3
май — июнь

И. Г. ДОБРОДОМОВ

ИЗ ПОЛОВЕЦКОЙ ОНОМАСТИКИ
(ТАЗЪ БОНЯКЪ)

Половецкий хан Боняк известен своими частыми набегами на Киевскую Русь в конце XI — начале XII в. Впервые Боняк упоминается в «Повести временных лет» под 1096 г., когда он совершил два дерзких набега на Киев (май и июль). Следующее появление Боняка на Руси описано под 1097 г. На этот раз Боняк был союзником русского князя Давыда Игоревича (Дорогобужского) в его борьбе со Святополком Изяславичем. Рассказ об участии Боняка в битвах 1097 г. овеян легендами: Боняк изображен здесь, как волхв, по волчьему вою определяющий будущее. В битве на р. Вагре около Перемышля Боняк разбил большую армию венгров. После этого имя Боняка исчезает из летописей до 1105 г., когда он зимой напал на поселившихся около Заруба торков и берендеев. Следующий его поход относится к 1107 г. В этом походе Боняк вместе с Шаруканом потерпел поражение, причем был убит его брат. Далее имя Боняка упоминается вне связи с его походами. В «Поучении Владимира Мономаха» Боняк упоминается несколько раз. Походы Владимира Мономаха против Боняка на основании разного рода соображений можно датировать 1096, 1107, 1113 гг. (к Выреве). Один поход «на Боняка к Лубьну» его можно отнести к промежутку между 1107 и 1113 гг. Затем имя Боняка упоминается в Ипатьевской летописи под 1140 г. в связи с событиями 1129 г., когда два полоцких княжича отказались участвовать в походе против половцев, «но паче молвахоу Бонакови Шелудивому во здоровье». За ослушание они были сосланы в Царьград и вернулись оттуда только в 1140 г. Под 1151 г. Ипатьевская летопись сообщает о сыне Боняка: «Ту же и Севенча Бонаковича дикаго Половчина оубиша, иже бѣщеть рекль: «хощю сѣчи в Золотаѧ ворота, ꙗко же и ѡць мои» [1]. Что касается упоминания *Боняка* под 1167, 1174 и 1185 гг. в одних летописях, то в других списках летописи имя *Боняк* заменяется именем другого половецкого хана — *Кобяк*. К тому же Боняк Шелудивый был в это время слишком стар, чтобы участвовать в походах: в 1167 г. ему должно было быть не менее 90 лет. Неудивительно, что имя легендарного Боняка подставлялось на место созвучного ему имени Кобяк.

Д. Моравчик отождествляет имя *Бонякъ* с именем половецкого предводителя (Kumanischer Heerführer), упоминаемого в византийских источниках под 1090 г. Это имя Μανιάχ. Кроме того, Д. Моравчик упоминает еще имя тюркского посла в VI в. Μανιάχ и византийскую фамилию Μανιάκης (с XI в.). В качестве тюркского источника Д. Моравчик выставляет предполагаемую тюркскую форму **Manaq* (*a*) со знаком вопроса [2]. Учитывая др.-русск. Бонякъ, можно предположить половецкое имя **Б(М)äнäк* с весьма обычным для тюркских языков чередованием *м/б*. Возможно, что имя *Бонякъ* связано с тюркским словом *бäнäк* «пятно» [3] или отмеченным Махмудом Кашгарским в племени арғу словом *бäнäк* «ягода» [4].

Обращает на себя внимание, что Боняк имеет прозвище — Шелудивый. С таким эпитетом Боняк упоминается под 1096 г., когда он совершил свой второй набег на Киев: «Приде второе Бонакъ безбожный шелудивый ѡтаи хыщникъ г Кыеву внезапу. и мало в градъ не въѣхаша Половци» [5]. Некоторые историки [6] на основании этого места считают, что Боняк назван шелудивым хищником. Но для этого нет достаточных оснований, ибо в Радзивиловском и Академическом списках слова *хыщникъ* нет. Просто Бо-

[1] Полное собрание русских летописей. 2-е изд. Л., 1908, т. II, стр. 432.

[2] См. Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica II. Berlin, 1958, стр. 181 (со ссылкой на литературу). См. также М. Грушевський. Історія України — Руси, Львів, 1905, т. II, стр. 532. Впервые их отождествил В. Г. Васильевский в исследовании «Византия и печенеги» (ЖМНП, 1872, № 12, стр. 279, прим. 2).

[3] В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1911, т. II, стр. 1588.

[4] C. Brockelmann. Mitteltürkischer Wortschatz nach Mahmud al-Kāšgharis Dīvān Lughat-at-türk. Budapest — Leipzig, 1928, стр. 39.

[5] Полное собрание русских летописей, 1926, т. I, стр. 232.

[6] См., например, С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. М., 1959, стр. 396.

няком Шелудивым назван этот половецкий князь в Ипатьевской летописи под 1140 г.[7].

Но откуда летописи взяли это прозвище? Ответить на этот вопрос помогает летописная запись под 1107 г., когда объединенные силы русских князей совершили удачный поход против половцев. Летопись сообщает, что во время этого похода «оубиша же Таза. Бонѧкова брата, а Сугра ѥша и брата ѥго. а Шаруканъ ѥдва оутече»[8].

Обычно исследователи «Повести временных лет» понимали выделенное место очень просто: «убили же Таза, брата Боняка», т. е. выделяли в составе этой фразы прямое дополнение *Таза* и относящееся к нему приложение *Бонякова брата*.

Все исследователи летописи считали, что *Тазъ* является именем брата Боняка. Делались даже попытки дать этимологию этого мнимого имени[9]. Оставим пока эти попытки в стороне и рассмотрим синтаксическую конструкцию, в которой встречается в летописном тексте слово *Таз*.

Общеизвестно, что в древнерусском языке для выражения принадлежности употреблялись как притяжательные прилагательные и родительный падеж имени существительного, так и контаминированный способ[10], заключающийся в употреблении притяжательного прилагательного, образованного от имени лица и родительного падежа от отчества, прозвища, фамилии или другого приложения (ср. приводимый В. И. Борковским пример из «Повести временных лет»: «*Игоръ солъ Игоревъ. великого кнѧзѧ русского*»)[11]. Правда, для памятников истории русского языка более характерна постпозиция притяжательного прилагательного и родительного падежа принадлежности по отношению к определяемому слову (пример см. выше). Но отмечаются также и случаи с препозицией таких определений: «*а Рисского Немчинове Юрикове жене не ведомо*»[12]. Аналогичные конструкции употреблялись у Н. С. Лескова в стилизации архаической речи дьякона Ахиллы: «...*я на отца Захариину трость сургучную метку положу...*» или «...*не видел отца Савелиевой прямоты...*» («Соборяне», ч. 1, гл. II, III).

Все эти соображения позволяют думать, что фразу «*убиша... Таза Бонякова брата*» следует переводить на современный язык так: «убили брата Таза Боняка». Такому осмыслению фразы помогает и значение тюркск. *таз* «лысый, плешивый, безволосый, паршивый»[13]. В таком случае мы имеем в летописях двоякое отражение одного и того же половецкого прозвища: в одном случае это прозвище переведено на древнерусский язык — *Шелудивый*, в другом же случае оно оставлено без перевода — *Таз*. Однако и во втором случае летописец хорошо осознавал, что слово *Тазъ* является не именем, а прозвищем; поэтому от него образован родительный падеж принадлежности, а не притяжательное прилагательное. Слово *таз* со значением «лысый» отмечено в «Codex'e Cumanicus»[14] — известном памятнике половецкого языка.

Что касается вариантов написания этого слова в разных списках «Повести временных лет», то часть их, встречающаяся в более поздних списках (*Таазъ*, *Таязъ*), представляют собою модификацию варианта *Тазъ*, принятого нами за основной (сначала *Таазъ* с удвоением гласного, а потом *Таязъ* с устранением зияния). Туркменские диалекты указывают на краткость гласного, на краткость же указывает и якутск. *таракай*, заимствованное из монгольского (ср. алт. *таз-таракай*). Удвоение гласного не отражает ничего в фонетике, а является чисто графическим.

А. Зайончковский считает слова *Таз* в «Повести временных лет» (под 1107 г.) личным именем, образованным от этнонима, а сам этноним, по его мнению, образован от названия конской масти и особой породы лошадей. Для подтверждения своей догадки А. Зайончковский ссылается на глоссу словаря Махмуда Кашгарского تَازْ اَتْ — اَلْفَرَسُ الْاَبْرَسُ, т. е. *таз ат — ал-фарасу -л- абрасу*. Эта глосса им переводится

---

[7] Интересно отметить, что в народных преданиях (См. «Киевская старина», 1887, т. XVIII и XIX) от грозного Боняка сохранилось лишь имя (*Боняк*, *Буняка*) да прозвище (*Шолудивый*); с историческим Боняком он ничего общего не имеет.

[8] Полное собрание русских летописей, т. I, стр. 282.

[9] См. И. Н. Березин. Первое нашествие монголов на Россию. ЖМНП, 1853, № 9, стр. 239 или стр. 19 отдельного оттиска. А. Зайончковский развил и аргументировал этимологию И. Н. Березина в своей книге «Związki językowe połowiecko — słowiańskie» (Wrocław, 1949, стр. 44—46).

[10] В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963, стр. 424. Ср.: В. А. Богородицкий. Очерки по языковедению и русскому языку. 4-е изд. М., 1939, стр. 210; Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, Киев, 1953, т. II, стр. 286—287; Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 455.

[11] В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 425.

[12] Грамота царского воеводы в Пскове Никиты Романовича Трубецкого в Ригу 25 июня 1588 г. Цит. по кн.: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Простое предложение. Львов, 1949, стр. 353.

[13] См. В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1905, т. III, стр. 915 под словом *тас* и стр. 925 под словом *таз*; Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Спб., 1869, т. I, стр. 332.

[14] См. K. Grønbeck. Komanisches Wörterbuch. Kopenhagen, 1942, стр. 238: *taz* «kahlköpfig».

koń pstrokacz, т. е. «пегий, пестрый конь». В таком же духе переведена и тюркская поговорка تَازُ اَتْ تَغَارْجِى بُلْمَاسْ *таз ат таварчы болмас*: «пегий конь не годен для перевозки тяжестей». Но для такого перевода, восходящего к исследованиям немецкого ориенталиста К. Броккельмана [15], как нам кажется, нет оснований. Во-первых, арабское слово со значением «пестрый, пятнистый» будет не أَبْرَس *абрасу*, а أَبْرَش *абрашу*, т. е. с шином (ش), а не с сином (س). Во-вторых, перевод поговорки تَازْاَتْ تَغَارْجِى بُلْمَاسْ звучит весьма странно, ибо сам Махмуд Кашгарский комментирует свой перевод тюркской поговорки: اَلْفَرَسُ الْاَبْرَسُ لَا يَكُونُ حَمَّالاً لِلْمَتَاعِ «конь أَبْرَس не бывает перевозчиком багажа» — пояснением لِاَنَّهُ يَكُونَ رَدِىءَ الْظَّهْرِ «так как у него плохие копыта». Это пояснение заставляет отнестись к переводу К. Броккельманна и А. Зайончковского с осторожностью. Прилагательное ابرس *абрасу* построено по формуле прилагательных цвета и телесных недостатков. Такую же формулу имеет арабский элатив [16]. Корень برس *брс* отсутствует во многих арабских словарях. Но в более полных словарях есть корень برس *брс*, вторая порода которого بَرَّس имеет значение «смягчать, делать более мягким» [17]. Нет необходимости вносить поправку в текст, как это сделали К. Броккельманн, а вслед за ним турецкий переводчик Бесим Аталай и узбекский переводчик Салих Муталлибов, которые даже не оговорили этой поправки в тексте сочинения Махмуда Кашгарского [18].

Можно предположить, что словосочетание تَازْ اَتْ у Махмуда Кашгарского [19] является точной фонетической передачей тюркского словосочетания *тазы ат* „арабская лошадь“. Написание تَازْ اَتْ вместо تَازِى اَتْ отражает результаты сандхи: в произношении *тазы ат* звучит как *таз ат*. Загадочное слово *актазъ*, встречающееся под 1225 г. в Ипатьевской летописи, могло получиться таким же образом. Попытка П. М. Мелиоранского объяснить это слово как сочетание прилагательных *ак* „белый“ и *тазы* „арабский“ [20] вполне удовлетворительна. Конечное *ы* (*и*) в слове *тазы* исчезло, когда слово находилось в препозиции к существительному *ат* „лошадь“. Летописец перевел половецкое *ат* русским *конь*, оставив без перевода его определение *ак тазы*, но дал его в фонетически измененном виде. Этим устраняются недоумения А. Зайончковского по поводу этимологии П. М. Мелиоранского.

Основания для перевода تَازْ اَتْ у Махмуда Кашгарского как „пестрая (пегая, чубарая) лошадь“ послужили, вероятно, данные „Калькуттского словаря джагатайского языка с персидским переводом“ 1820 г., где, по данным словарей Л. З. Будагова и В. В. Радлова, имеется слово تَزْ с переводом اسب ابرش „лошадь белой масти с красными пятнами“. Весьма вероятно, что этим же источником пользовался и И. Н. Березин для объяснения происхождения половецк. *таз* в «Повести временных лет». Впрочем, В. В. Радлов транскрибирует чагатайск. تَزْ с гласным переднего ряда: *täz*. Так же склонен читать это слово и Л. З. Будагов [21].

Все изложенное выше позволяет считать, что предложенная И. Н. Березиным и развитая А. Зайончковским этимология половецкого прозвища *Тазъ* является неубедительной. Нами же предлагается рассматривать слово *Тазъ* в летописной статье 1107 г. как половецкий эквивалент прозвища *Шелудивый*. Настоящей заметкой сделана попытка показать, что для исследования тюркских собственных имен важно не только привлекать большой тюркский материал, но и изучать весьма обширный контекст, в котором эти слова употребляются.

---

[15] C. Brockelmann. Mitteltürkischer Wortschatz..., стр. 200; его же. Altturkestanische Volksweisheit. Ostasiatische Z. Berlin, т. VIII, стр. 62.

[16] Б. М. Гранде. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1963, стр. 93, 264, 265.

[17] A. de Biberstein Kazimirski. Dictionnaire arabe-français. Paris, 1860, т. I, стр. 110.

[18] Mahmud Kasgarli. Divanü lügat-it Türk tercümesi. Çev. Besim Atalay Cilt 3. Ankara, 1940, стр. 149; Маҳмуд Қошғарий. Девону луғотит-турк, Тошкент, 1963, т. III, стр. 163.

[19] محمود الكاشغرى كتاب ديوان لغات الترك Стамбул, 1917, т. III, стр. 110.

[20] П. М. Мелиоранский. Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского периода. Изв. ОРЯС. СПб., 1905, т. X, кн. 4, стр. 112—113.

[21] В. В. Радлов. Указ. соч., стр. 1102; Л. З. Будагов. Указ. соч., стр. 354.